

ровны я взялъ только то, что имѣло прямое отношеніе къ моей темѣ.

Говорять далѣе, что тонъ моей книги недостоинъ духовнаго облика Вѣры Федоровны.

Представляю самой книжѣ моей возражать на подобное обвиненіе.

Письмо г. Ставрогина, забѣжавшаго впередъ колективнаго письма, раскрываетъ намъ всю подкладку поднятой агитациѣ. И вотъ она дѣйствительно недостойна облика Вѣры Федоровны.

Г. Ставрогинъ начинаетъ свое письмо съ оповѣщенія, что готовится сборникъ, а кончаетъ увѣреніемъ, что въ сборникѣ все будетъ изложено подробнѣе и лучше, чѣмъ въ книжѣ Туркина.

На свѣжей могилѣ артистки г. Евреиновъ сводилъ счеты съ своими литературными врагами (Ю. Д. Вѣляевымъ). Это было нетактично, это обличало недостатокъ уваженія въ его душѣ къ памяти Вѣры Федоровны. Настоящее же выступленіе—болѣе чѣмъ нетактично: оно непрекрасиво.

По адресу г. Евреинова и его друзей въ моей книжѣ (стр. 116) сказано:

„Какъ далеки, какъ безконечно далеки были эти слѣпые люди отъ пониманія души прекрасной артистки. И какъ должно быть тяжко было Вѣрѣ Федоровнѣ переживать среди нихъ трагедію своего духа!..“

Дѣйствительность слишкомъ наглядно подтвердила справедливость этихъ моихъ словъ.

Н. Туркинъ.

28-го ноября, 1910 г.

Письмо въ редакцію.

М. г., г. редакторъ!

Прошу вѣсль дать мѣсто на страницахъ вашей газеты слѣдующему моему письму.

Во многихъ газетахъ появилось колективное письмо нѣсколькихъ артистовъ и состоявшаго при театрѣ Коммисаржевской г. Евреинова съ выраженіемъ протеста противъ моей книги, — „Коммисаржевская въ жизни и на сценѣ“.

Нѣсколько раньше было напечатано въ одной изъ московскіхъ газетъ съ такою же цѣлью письмо артиста г. Ставрогина.

Появленіе колективнаго письма по существу своему есть документальное доказательство ведущейся кѣмъ-то агитациѣ: кто-то составляетъ письма и собираетъ подъ ними подписи.

Обстоятельство это можетъ радовать издателя моей книги, но меня лично огорчаетъ. И не потому огорчается, что я являюсь предметомъ нападокъ, а потому, что снова вокругъ имени Вѣры Федоровны подымается шумъ; потому еще, что агитаторъ или агитаторы не постыдились втянуть въ эту шумиху даже имя матери Вѣры Федоровны. Не такъ ужъ много на свѣтѣ наивныхъ людей, чтобы не понять, что письмо Маріи Николаевны Коммисаржевской, появившееся въ „Рѣчи“, кѣмъ-то, но только не ею, составлено.

Что по существу заключаетъ въ себѣ протестъ, рожденный агитациею? Разберемся.

Говорятъ: „мы глубоко возмущены грубыми, непозволительными ошибками, которыя допустилъ въ своей книжѣ г. Туркинъ въ главѣ „Болѣзнь и смерть“.“

Вся эта глава отъ слова до слова передаетъ разсказы г. Рудина и г. Аркадьева. Это печаталось раньше въ газетахъ. Если близко стоявшіе къ Вѣрѣ Федоровнѣ люди не вѣрно передали что-либо, то гдѣ же раньше были гг. протестующіе теперь, почему они молчали въ свое время? Этого мало. Вся глава „Болѣзнь и смерть“ вѣсмѣ незначительную роль играетъ въ моей книжѣ. Я, вѣдь, не биографію писалъ, а, какъ указываетъ заглавіе книги, рисовалъ характеръ Вѣры Федоровны, какъ артистки и человѣка. Изъ писемъ Вѣры Федо-

вскійская Газета. Москва № 50 1910. 29 Ноябрь.